

Сурикова О. Д. К изучению семантического своеобразия отсоматической лексики с приставкой *без-* в русской языковой традиции / О. Д. Сурикова // Научный диалог. – 2012. – № 12 : Филология. – С. 30–62.

УДК 811.161.1'373.611/.612:(811.161.1'282.2+811.161.1'06)

К изучению семантического своеобразия отсоматической лексики с приставкой *без-* в русской языковой традиции

О. Д. Сурикова

В статье представлен семантико-мотивационный анализ русских диалектных и общенародных слов с приставкой *без-*, которые образованы от обозначений соматических объектов, относящихся к зоне головы и лица (например, *безглазый* 'одноглазый', *беззубый* 'лишенный остроты, слабый, бессильный'). Выявляются семантические типы отсоматических образований с приставкой *без-*. Проведенный анализ позволяет говорить о детальной разработке в языке представлений об отсутствии частей тела, относящихся к зоне головы. Выявлены такие обозначения функциональных органов, которые имеют больший в сравнении с прочими лексемами данной группы потенциал развития вторичных значений. Устанавливается зависимость характера семантической деривации от степени функциональности номинируемой части тела, ее значимости для жизни, а также от стилистического и семантического своеобразия производящей основы. Осуществляется сравнение лексем, во внутренней форме которых при помощи приставки *без-* отражено отсутствие соматического объекта, с бесприставочными лексемами. Это позволяет поставить вопрос о своеобразии отражения в языке корпоральной нормы.

Ключевые слова: семантико-мотивационная реконструкция; приставочная лексика; приставка *без-*; предлог *без*; семантическая деривация; соматизмы; наивная анатомия.

Приставки, имеющие отрицательные значения (*не-*, *без-* и др.), суть не единственный, но один из основных способов выражения отрицания в лексической системе русского языка. Словообразовательная семантика слов с префиксом *без-*, маркирующим отсутствие чего-либо, обладает большей определенностью, цельностью, идиоматичностью, нежели семантика образований с *не-*, более широкая и вариативная по своему характеру. Отрицание есть важный способ языкового воплощения системы ценностей (пусть и неосозанный, по указанию А. Ф. Журавлева [Журавлев, 1999, с. 20]), и анализ приставочных образований с *без-* позволяет выявить те сферы действительности, которые аксиологически значимы для носителей языка, а также уточнить представления о них. Это показано А. Ф. Журавлевым в работе «Древнеславянская фундаментальная аксиология в зеркале праславянской лексики», в которой анализируются праславянские образования с **bez-* [Там же, с. 12–30].

Естественно рассматривать слова с *без-* в составе пар с «положительными» лексемами, не имеющими данной приставки и нередко иначе оформленными (ср., например, *вольный* – *безвольный* и *уса-тый* – *безусый*). В семантическом отношении такие пары бывают асимметричными: в значении префиксального образования может актуализироваться имплицитная сема (коннотативный компонент), которая не находит строгого соответствия в семах или коннотациях слова, не содержащего отрицания. К примеру, анализируя литер. *бесхребетный* ‘не имеющий твердой линии поведения, беспринципный’, можно предположить, что соматизму *хребет* приписывается символика принципиальности, не обнаруживаемая, однако, у приставочного слова. Более того, в некоторых случаях у слова с *без-* нет пары, маркированной положительно, и это значит, что приставочная лексема становится единственным носителем информации об утраченной производящей основе (подробнее об этом см. в [Березович и др., 2012]).

Слова с приставкой *без-* целесообразно рассмотреть в семантико-мотивационном аспекте, и на основании такого исследования могут быть сделаны выводы об особенностях наивно-языковой категоризации мира. Подобный анализ требует привлечения широкого языкового материала, однако представляется, что некоторые тенденции могут быть обнаружены при анализе одного из лексико-семантических объединений, обладающего целостностью в денотативном плане. Такой четко очерченной областью является соматическая лексика, которая регулярно становится источником деривации с приставкой *без-*.

Материалом для данной статьи стали отсоматические образования в составе общенародной и диалектной лексики русского языка, которые извлечены из словарей литературного языка и народных говоров. Привлекаются также данные исторических лексикографических источников и ономастических словарей (в первую очередь антропонимических, поскольку образования с приставкой *без-* нередко выступают производящей основой для прозвищ и фамилий). В подавляющем большинстве случаев анализируются приставочные образования с *без-*; также рассматриваются предложно-падежные конструкции с соответствующим предлогом, функционирующие аналогично (ср. *безглазый* – *без глаз*).

Исследование лексики, номинирующей отсутствие соматических объектов¹, позволяет не только определить то, какие части тела и органы могут или не могут мыслиться отсутствующими, но также сделать выводы о приписываемых им свойствах и функциях, актуализирующихся через отрицание. Можно попытаться построить своего рода «карту тела», отраженную в лексике, обозначающей

¹ *Соматическими объектами* считаются «собственно части тела (например, голова, рука), части частей тела (пальцы, ноздри), а также органы (печень, половые органы), покровы (кожа, волосы, ногти), жидкости (кровь, слезы), особые места человеческого тела (подмышки, пупок), наросты (горб, прыщи), линии (пояс, талия), кости, мышцы и др.» [Аркадьев и др., 2011, с. 41].

отсутствие органов. Такая карта имеет разную степень детализации в общенародном языке и в говорах. Так, в лексике общенародного языка маркируется отсутствие *ног* (*безно́гий* ‘лишившийся, не имеющий ног или ноги; имеющий больные ноги, не владеющий или плохо владеющий ими’), а в говорах – не только *ног* (новг. *безно́жка* ‘безногий человек, животное’ [СРНГ, т. 2, с. 194]), но и *пяток* (*беспя́тый* арх. ‘тот, у кого пятки не выдаются заметно назад’, арх. ‘бран. тот, кто не умеет ходить как следует’, ряз. ‘черт’: «Анчутка беспятая (*анчутка* ‘дьявол, бес, антихрист’)» [СРНГ, т. 2, с. 276]), *икр* (без указ. м. *безыкры́й* ‘у кого нет икр, или они малы, сухи’ [Даль, т. 1, с. 82]) и *бедер*, *ягодиц* (вят., яросл. *безля́двый* ‘левинный, непроторный’ [СРНГ, т. 2, с. 192], ср. яросл. *лядвевя́* ‘бедро, ляжка; верхняя мягкая часть задней ноги (у животного)’, ‘ягодица’ [ЯОС, т. 6, с. 24]).

В ходе семантико-мотивационного анализа есть смысл осуществить дифференциацию отсоматической лексики с точки зрения логики смыслового развития. В одних случаях значение остается в сфере соматики, в других может наблюдаться многоступенчатый переход на основе метонимии и / или метафоры, при котором значение выходит за рамки соматической сферы. При метафорическом переносе представляется существенным определение закономерностей, связанных с реципиентной зоной метафоры (принимающей областью-«мишенью»): выбор денотативной сферы и причины соотношения с нею соматизмов¹. Таким образом, становится возможным построение определенной **шкалы семантической деривации**, позиции которой будут заполняться носителями определенных

¹ К примеру, встречаются факты переноса значения корпоральной аномалии в мифологическую сферу, ср. орл. *безру́кий* ‘о ветре’: «Ишь, безрукий разгулялся!» [СРНГ, т. 2, с. 199], арх. *безгла́зье* ‘мифическое существо, способное взглянуть человека’ [СГРС, т. 1, с. 85], ряз. *беспя́тый* ‘черт’ [СРНГ, т. 2, с. 276]. Подобные номинации носят эвфемистический характер и связаны с обозначением основной (или примечательной) функции или характеристики мифического существа.

значений – лексико-семантическими вариантами слов (речь идет именно о таких вариантах, а не о собственно лексемах, поскольку разные значения многозначных лексем могут соответствовать разным деривационным «шагам»).

Крайнюю левую позицию на такой шкале занимает лексика с конкретной соматической семантикой (значением собственно корпоральной аномалии), ср. перм. *беспáльцьий* ‘беспалый’ [СРНГ, т. 2, с. 270], без указ м. *безносый* ‘у кого или у чего нет носа, или носка’ [Даль, т. 1, с. 68]. Здесь отсутствие отрицаемых соматических объектов представимо, реально и, по всей видимости, частотно.

Далее на шкале располагается лексика с расширенной соматической семантикой, указывающая на недостаточное развитие называемой части тела (лексемы, обладающие таким значением, часто имеют негативные коннотации): например, волог. *безнўтрый* ‘худощавый, с впалым животом (о человеке)’ [СРНГ, т. 2, с. 194], *безлобий* ‘у кого нет лба; узколобий’ [Даль, т. 1, с. 66].

Затем следует лексика, обозначающая физиологические дефекты, функциональные нарушения органов и систем человеческого организма (как правило, речь идет о нарушениях, совместимых с жизнью, т. е. могущих реально существовать). В таких словах отражен метонимический перенос функции части тела на нее саму: *безглазый* ‘лишенный зрения, слепой, невишной, темный’ [Даль, т. 1, с. 60].

Наконец, крайнюю правую позицию на шкале занимает лексика, обозначающая перенесенную функцию соматического объекта, ср., например, рус. печор. *без глаз* ‘невнимательный, ненаблюдательный’ [ФСНП, т. 1, с. 32]. В ряде случаев такие слова метафорически «отрицают» части тела, отсутствие которых непредставимо, несовместимо с жизнью, а потому соответствующая лексика не имеет прямого значения корпоральной аномалии, но связана

исключительно с функциями соматического объекта или представлениями о нем: арх. *безголо́вой* ‘глупый, бестолковый’ [АОС, т. 1, с. 147], пск., смол. *безжи́льный* ‘бессильный, слабый’ [СРНГ, т. 2, с. 190], вят. *бессердэ́чный* ‘незлобный, никогда не сердящийся, простоватый’ [Там же, с. 277]).

При семантико-мотивационном анализе важно учитывать не только позицию на шкале, но и тип доминирующей семы в семантике производящей основы. Так, Анна Тырпа выделяет следующие ведущие семы в значениях соматизмов: топографические (говорят о локализации частей тела: передняя часть тела, задняя и проч.); анатомические (говорят о том, как выглядят части тела, могут ли они двигаться и др.: покрыт волосами, может опускаться и проч.); функциональные (говорят о функциях: без которой невозможно думать и др.) [Тугра, 2005, р. 40]; Н. Д. Арутюнова тоже говорит о функциональных (нога, хвост, палец, нос, рука и др.) и топографических (бок, спина, темя, щека и др.) частях тела [Арутюнова, 1999, с. 16]. При этом для соматизмов, означающих функциональные части тела, характерно метонимическое замещение соматического объекта его функцией (например, без указ. м. *безручье* ‘неловкость в деле, неуклюжесть’ [Даль, т. 1, с. 74]). Однако необходимо учитывать и прояснение, актуализацию или приращение сем производящей основы, которые могут происходить при префиксации, и тогда речь должна идти о потенциях семантики приставки (и о типе семантической производности: цепочечном или радиальном).

Отсоматическая деривация с использованием приставки *без-* весьма продуктивна, и в рамках одной статьи невозможно рассмотреть весь массив образований, соответствующих модели *без + соматизм*. Решено выделить для анализа наиболее значительную (в количественном и качественном отношении) группу таких образований: слова на *без-*, во внутренней форме которых заключены представле-

ния об **аномалиях частей лица¹ и головы**. Эти слова номинируют отсутствие собственно *головы*, органов перцепции (*глаз, ушей, носа*), органов перцепции и речи (*языка*), органов центральной нервной системы (*мозг*), костей (*зубов, челюстей*), покровов (*волос, бороды и усов*) и проч. Богатство этой лексики обусловлено повышенным вниманием к голове как конституенту человеческого в человеке и метонимическому заместителю человека (ср. мотив отделенной от тела живой головы). Таким образом, далее будут рассматриваться слова, образованные по модели *без + голова / часть головы*².

ГОЛОВА

Пласт лексики, обозначающей отсутствие головы, достаточно широк, а семантическая деривация представлена двумя основными позициями.

Конкретная соматическая семантика. Отсутствие головы несовместимо с жизнью, поэтому мотивировочный признак «без головы» положен в основу обозначений животных или людей, умерщвленных обезглавливанием (а также неодушевленных предметов, лишенных головки), или собственно действий, причиняющих такую

¹ Лексика, образованная от основы *лик-* (*лиц-*), подробно анализироваться не будет в ряду причин. Во-первых, слова типа *безликий, обезличенный* и др. функционируют преимущественно в книжной традиции, в то время как в нашей работе рассматриваются преимущественно факты народной речи. Во-вторых, отдельная проблема по отношению к ним – выявление производящей семантики (основа *лик-* издревле является многозначной, дериваты могут развивать разные значения основы); ср. заключение С. М. Толстой о том, что многие производные слова *лицо* не связаны между собой отношениями непосредственной семантической деривации, что затрудняет их анализ [Толстая, 2008, с. 40, 42]. В-третьих, семантико-словообразовательные дериваты от основ **lice* и **likъ* практически не имеют значений, непосредственно связанных с корпоральной нормой или ее отрицанием.

² Отметим, что обозначения аномалий, системно не закрепленные в языке, представленные единичными лексемами или редкими фактами антропонимикона, рассматриваться не будут. К таким почти окказиональным образованиям относятся слова, указывающие на отсутствие лба, бровей, ресниц, щек и даже нёба, ср. *безлобый* ‘у кого нет лба; узколобый’ [Даль, т. 1, с. 66], *безбровый* ‘у кого нет бровей, или они очень жидки’, *безресничный* ‘у кого нет ресниц’ [Там же, с. 59, 66], совр. рус. фамилии *Безщеков* и *Безщеков* (ср. укр. *Безщокий* [Шульгач, с. 39]), без указ. места *обезнёбеть* ‘утратить нёбо, во рту’: «Она с прошлого года от болезни обезнёбела» [Даль, т. 2, с. 594] и др.

смерть. Ср. литер. *обезглавливать, обезглавить* ‘казнить, отрубив голову’, *безголовый* ‘лишенный головы; обезглавленный’, *безглавый* ‘поэтич. то же’, без указ. м. *безголовок* ‘животное или вещь без головы, без головки’ [Даль, т. 1, с. 60–61], ср. также др.-рус. **БЕЗГЛАВНЫЙ** ‘не имеющий, лишенный головы’ [СлРЯ XI–XVII вв., т. 1, с. 100].

Перенесенная функция соматического объекта. Основной функцией головы как вместилища ума является контроль над человеческими поступками и действиями, согласование поведения человека с признанной социумом нормой. Соответственно, отсутствие головы метафорически осмысливается как отсутствие ума (глупость, бестолковость, неорганизованность; сумасшествие) или памяти: литер. *безголовый* ‘лишенный здравого смысла; глупый, тупой; рассеянный, забывчивый’, арх. *безголо́вой*, перм. *безбашко́вый* ‘глупый, бестолковый’ [АОС, т. 1, с. 147; СРГСПермК, т. 1, с. 77], перм., смол. *безголо́вье* ‘глупое поведение; глупое увлечение’ [СРНГ, т. 2, с. 185], смол. *безголо́вье* ‘глупое увлечение; бран. о недалеком, пустом человеке’ [ССГ, т. 1, с. 144], брян. *безгало́уе* ‘неустройство, неурядица, бестолочь’ [Расторгуев, т. 1, с. 51], костр. *бесшаба́льный* ‘выживающий из ума, теряющий память’ [ЛКТЭ]¹, перм. *безголо́вье* ‘сумасшествие’ [СРГСПермК, т. 1, с. 78], костр. *безголо́вье* ‘глупость’ [Ганцовская], сиб. *безголо́вщина* ‘бездумность’ [ОСК, с. 149], сюда же без указ. м. *обезглавливаются, обезглаветь* ‘лишиться головы, разума, обезмозглеть’ [Даль, т. 2, с. 593]². Кроме того, отсутствие головы может означать бесконтрольность, непризнание разумных границ, отсутствие инстинкта самосохранения: волог. *безголо́вок*

¹ Ср. костр. *шабала́* ‘голова’ [ЛКТЭ].

² Ср. жарг. *безба́шенный* ‘ведущий себя подобно сумасшедшему’, *безба́шенство* ‘состояние человека, не поддающееся контролю’ [БСЖ, с. 56] (ср. в связи с этим укр. *бѣзбач, бѣзбач* ‘без цели, как попало, вразброд’, *бѣзбаш* ‘беспорядок’ [ЕСУМ, т. 1, с. 161], блр. *бѣзбаш*, ст.-укр. *безбашный, безбаш*, укр. *бѣзбеш* ‘без цели, без порядка’ [ЭСБМ, т. 1, с. 434], от тур. *baş* ‘голова’ (*başsız* ‘безголовый, безначальный, ничем не ограниченный’) [Там же]), *бескры́шник* ‘очень глупый или психически ненормальный человек’ [БСЖ, с. 59].

‘смелый, отчаянный человек’, костр. *безго́ловый* ‘смелый, отчаянный, бесстрашный’ [СРНГ, т. 2, с. 185].

Поскольку голова – жизненно важный орган, ее отсутствие естественно связывается со смертью: печор. *безго́ловье* ‘смерть, гибель’ [СРГНП, т. 1, с. 25]. При этом в языке могут устанавливаться вторичные связи между *безголовьем* как «физической» смертью и как безрассудством, приводящим к смертельному риску: печор. *безго́ловье* <себе> *искать (найти)* ‘получить противоестественную, спровоцированную самим человеком смерть’ [ФСНП, т. 1, с. 35], перм. *безго́ловье* *искать* ‘рисковать; попадать в смертельные ситуации’ [ФСПГ, с. 152], ср. др.-рус. **БЕЗГОЛОВИК** ‘опасность для жизни, беда, несчастье’ [СДРЯ, т. 1, с. 114].

Особый интерес представляют случаи определения *безголовщины* как ‘уголовщины’: урал. *безго́ловный* ‘уголовный’: «Ты за что про что во тюрьме сидишь, за какие беды безголовные? (песня)» [СРНГ, т. 2, с. 185], без указ. м. *безголовное дело* или *безго́ловье* ‘ср. уголовное’: «Ты чего наделал? ведь это безго́ловье!», *безголовщина* ‘резня, убийство; драка, побоище’ [Даль, т. 1, с. 61], ср. также др.-рус. **БЕЗГОЛОВНЫИ** ‘уголовный’ [СлРЯ XI–XVII вв., т. 1, с. 102]. Внутренняя форма слова *уголовный* (калька с лат. *capitālis*) – «имеющий отношение к убитому, к голове, к жертве убийства» [Черных, т. 2, с. 281]. Значение лексемы *безголовный* ‘уголовный’ является, вероятно, проявлением внутренней формы слова *уголовный* под влиянием народной этимологии (контаминация с представлениями о *безголове* как о бесконтрольности, ведущей к возникновению смертельной опасности, а также влияние традиции казни через обезглавливание: уголовника ждет отсечение головы).

Значение слов, указывающих на отсутствие головы, дает также другой метонимический сдвиг – перенос с части тела на предмет, надеваемый на нее (головной убор): простореч. *без башки́, без головы́* ‘без головного убора’.

Мозг

Лексика, номинирующая отсутствие данного органа, происходит от слова *мозг* во втором, абстрактном, значении ('ум, умственные способности') и связана с обозначением недостатка ума, глупости, несообразительности и проч. Семантически *безмозглость* аналогична *безголовью* (в значении 'глупость') ровно в той же степени, в какой *голова* как вместилище ума соответствует *мозгу* как органу, отвечающему за интеллектуальную деятельность человека. Обилие лексических вариантов, производных от обеих основ (по модели *без* + *соматизм*), соответствует общей тенденции к разнообразию номинаций неполноценности (в корне которой несоответствие базовым для нормального функционирования в социуме категориям), в том числе (и в первую очередь) – интеллектуальной. Большая часть обозначений глупости, данных через отрицание органа мыслительной деятельности, образована по модели *без* + *мозг* (от основы **mozgъ*): литер. *безмóзглый* 'глупый, несообразительный (обычно в бранном употреблении)', *безмозглость* 'глупость, тупость ума', без указ. м. *безмозгуша* 'глупый человек', *безмозглеть* 'глупеть' [Даль, т. 1, с. 67], без указ. м. *обезмóзглить* 'сделать глупцом, дураком, лишить здравого ума' [Даль, т. 2, с. 593], арх. *безмозгóвой* 'глупый, бестолковый' [АОС, т. 1, с. 149], петерб., костр. *безмозгáтый* 'несообразительный' [Ганцовская; СРНГ, т. 2, с. 192], смол. *безмозгóвица*, *безмозгóвицина* 'неодобр. тупой, ограниченный человек; собир. бестолковые люди' [СРНГ, т. 2, с. 192; ССГ, т. 1, с. 149], иркут. *безмóзглая голова́* 'о том, кто плохо соображает' [ЧДФ, с. 125]. Однако встречается лексика, имеющая ту же семантику, но восходящая к основе *gluzd* (**gluzdъ*¹): курск., орл., смол., южн., зап. *безglúzдый*, брян.

¹ Ср. курск., орл., юго-вост., южн., пск., смол., зап., ворон. *glúzъ* 'ум, память, рассудок, толк', южн., зап. *glúzъ* 'мозг' [СРНГ, т. 6, с. 207]. Для праслав. **gluzdъ* (которое можно сблизить с **gluda*, **gluta* как обозначениями комкообразной массы) авторы ЭССЯ первичным полагают соматическое значение 'мозг', откуда могли – как переносные – развиться значения 'ум', 'память', 'способности' и т. п. [ЭССЯ, т. 6, с. 156].

безглузды ‘бран. бестолковый, безмозглый’ [Даль, т. 1, с. 61; Расторгуев, т. 1, с. 51; СРНГ, т. 2, с. 184; ССГ, т. 1, с. 144]. От обеих основ могут быть образованы и антропонимы, ср. фамилии *Безмозгий*, *Безмозгин*, *Безмозглов*¹, а также ст.-укр. *Грыцько Безмозькии*, укр. *Савка Безмозкий*, ст.-укр. *Иван Безъглуздыи* [Шульгач, с. 29, 32].

ГЛАЗА

Лексика, номинирующая отсутствие глаз, должна быть разделена на две основные группы в зависимости от производящей основы и сферы функционирования.

Лексика, производная от основы *oko. По замечанию авторов ЭССЯ, «словообразовательные сложения с отрицанием *bez-* практически никогда не развивают нового значения, регулярно соответствуя такой черте семантического содержания, как привативность» [ЭССЯ, т. 2, с. 13]. Однако особо выделяется случай семантической эволюции ‘без глаз, без зрения’ → ‘бесстыжий, наглый, нахальный, дерзкий’, которая прослеживается в нескольких аналогичных образованиях, ср. праслав. **bezočivъ(jь)*², **bezočьnъ(jь)*, **bezokъ(jь)* [Там же]. Этот семантический переход представлен в большинстве слов, образованных по модели *без + oko*, ср. др.-рус. **безочык** ‘бесстыдство’ [СДРЯ, т. 1, с. 132], **безоковати** ‘бесстыдничать’, **безочивый** ‘бесстыдный, нечестивый’, **безочне (безоочне)** ‘бесстыдство’, ‘бесчестье’ [СлРЯ XI–XVII вв., т. 1, с. 122, 125].³ Однако встречаются и редкие случаи с конкретной

¹ Здесь и далее используются данные портала информационно-исследовательского центра «История фамилии» [История...].

² Ср., однако, мнение А. Ф. Журавлева, предполагающего производство сложением **bez-* с **očivъ* ‘видимый, явный, очевидный’, а не предложно-суффиксальный комплекс **bez-...it* с корнем **ok-/očъ* [Журавлев, 1999, с. 2, 27].

³ К этой группе примыкают костр. *берѣстяные глаза* ‘о бессовестном человеке’ [ЛКТЭ] (ср. костр. *одѣть берѣстяную рожу* ‘о бессовестном поведении’, *берѣстяная хара* ‘о бессовестном человеке’ [ЛКТЭ], ср. также прост. *морда киртичѣм*; семантическое тождество *глаз* и *лица* отмечается уже на уровне праславянских основ: **bezočivъ(jь)*, **bezočьnъ(jь)*, **bezokъ(jь)* и **bezčelъnъ(jь)* [ЭССЯ, т. 2, с. 13]). Стоит, вероятно, говорить о развитии экспрессивом семантики древнего образования, ср. *очи – глаза* и *чело – рожа, морда*. В основе выражений вроде *берѣстяные глаза* лежит сравне-

семантикой корпоральной аномалии (отсутствия органов зрения) или с семантикой физиологического дефекта (метонимическое замещение соматизма функцией – слепота): без указ. м. *безокий* ‘безглазый, слепой или кривой’, *безочесный* ‘безочный, безокий, слепой, невидящий, невишной, незрячий, темный’ [Даль, т. 1, с. 68], ср. др.-рус. **безочесный** ‘не имеющий глаз, не видящий’ [СлРЯ XI–XVII вв., т. 1, с. 125]. Очевидно, что в абсолютном большинстве случаев мы имеем дело с книжной лексикой, вытесненной в общенародном языке позднейшими образованиями от основы **glazъ* и имеющей более абстрактную семантику.

Лексика, производная от основы **glazъ*. Слова, восходящие к модели *без + глаз*, не относятся к числу древних образований, поэтому, вероятно, не развивают общеславянскую семантику бесстыдства. Данная лексика номинирует собственно корпоральную аномалию (отсутствие глаз): *безглазый* ‘лишившийся одного или обоих глазных яблок’ [Даль, т. 1, с. 60], новг. *безглазый* ‘одноглазый’ [НОС, т. 1, с. 43], перм. *безглазить* ‘лишать человека или животное одного или обоих глаз’ [СРНГ, т. 2, с. 184]. Характерно также развитие семантики физиологического дефекта – слепоты, незрячести (посредством метонимического переноса функции на весь соматический объект): помор. *безглазо* ‘не имеющий способности различать цвета предметов и их очертания и контуры’, ‘слепой, близорукий’ [Дуров, с. 26], без указ. м. *обезглазеть* ‘ослепнуть’ [СРНГ, т. 22, с. 29] и др. Многозначность появляется уже на уровне производящей основы, и значения ‘орган зрения’ и ‘способность видеть’ тесно коррелируют, поэтому словообразовательные дериваты могут развивать как

ние глаз (органа, являющегося выразителем душевной жизни человека) с нечувствительным, неживым материалом – деревом, оловом, глиной etc. (по сути, образно отрицается функция глаз, что сближает эти выражения с лексемами и сочетаниями типа *безокий, без очей*). Подобные представления находят отражение как в семантике бесстыдства, так и собственно незрячести, аномалий, связанных с глазами, ср. пск., твер. *оловянный глаз* ‘глаз с бельмом; недобрый, лукавый глаз, взгляд’ [СРНГ, т. 23, с. 189], костр. *лутощечные глаза* ‘о том, кто плохо видит’ [ЛКТЭ] и проч.

семантику соматического объекта, так и «функциональное» значение. Так, например, печор. *без глазу остаться* ‘ослепнуть’ [ФСНП, т. 1, с. 32] очевидно восходит ко второму, «функциональному», значению слова *глаз*, которое, в свою очередь, получает дальнейшее развитие и дает семантику наблюдения, присмотра, заботы¹. Это последнее значение существительного *глаз* проявляется в следующих случаях: ирк., бурят. *безглазый* ‘безнадзорный’ [Афанасьева-Медведева, т. 2, с. 443; СРГС, т. 1, с. 57], печор. *без глаз* ‘невнимательный, ненаблюдательный’ [ФСНП, т. 1, с. 32], сиб. *без гла́з* ‘оставаясь незамеченным’ [ОСК, с. 149], перм., краснаярс., ряз. *безгла́зно* ‘без надзора, без присмотра’ [Афанасьева-Медведева, т. 2, с. 44; Деул. словарь, с. 51; СРНГ, т. 2, с. 184]. Особо выделяется магическая функция глаз (способность с помощью глаз влиять на судьбу другого человека, возможность сглазить), например, арх. *безгла́зье* ‘мифическое существо, способное сглазить человека’ [СГРС, т. 1, с. 85].

Нос

Лексика, образованная по модели *без + нос*, либо обозначает непосредственно отсутствие носа, либо соотносится со сферой расширенной соматики (недостаточность развития органа осмысливается гиперболически как его отсутствие): без указ. м. *безносый* ‘у кого или у чего нет носа, или носка; курносый’ [Даль, т. 1, с. 68], урал. *безно́сич* ‘безносый’ [СРНГ, т. 2, с. 194], перм. *безно́сый* ‘имеющий маленький нос’ [СРГСПермК, т. 1, с. 80]. Характерно количественное преобладание проприативной лексики, отрицающей данную соматическую норму: костр. *безно́сик* ‘прозвище человека с маленьким носом’ [СРНГ, т. 2, с. 194], перм. *Безносов* [Полякова, 2005, с. 45], *Безно́с*, *Безно́сов* [Ономастикон, с. 32], сев. *Безносов* [Кюршунова, с. 37], *Безносо́к* [Унбегаун, с. 220], волог. *безно́сики*, *без*

¹ Ср. актуализацию этой функции в угол. *безглазый* ‘беспаспортный, не имеющий паспорта’ [БСЖ, с. 57], а также диал. вят., сарат., сахалин. *глаза́* ‘документ, удостоверяющий личность; паспорт’ (с примеч. «воровское выражение», «на языке бурлаков, а также на языке московских жуликов и петербургских мазуриков») [СРНГ, т. 6, с. 184].

но́сика (*малонóсики*) ‘жители куста деревень Вашпан Вашкинского района Вологодской обл.’: «У их мужик жил с обрезанным носом» [Воронцова, с. 33], *Безносой*, *Безнос* [Тупиков, с. 44] (ср. гнездо широко распространенных современных русских и украинских фамилий, образованных по модели *без + нос*: *Безнос*, *Безносенко*, *Безносенков*, *Безносик*, *Безносилов*, *Безноско*, *Безносков*, *Безносов*, *Безносый*, *Безносью*, *Безносюк*, *Безносов*). Встречаются также случаи более глубокого членения представлений о носе, ср. новг. *безно́здря* ‘прозвище женщины’ [СРНГ, т. 2, с. 194], а также совр. рус. фамилия *Безноздрев*. Безусловно, такая частотность антропонимов и факты детализации (фиксация отсутствия *ноздрей*, невозможного при врожденной аномалии) указывают на распространенность реалии, что может быть связано, помимо прочего, с традицией пыток (отсечение носа и вырывание ноздрей, подробнее см. [Евреинов, с. 32]).

Губы

Лексика, маркирующая отсутствие губ, делится на две группы в зависимости от основы (эти группы также разграничиваются семантически).

Слова, образованные от *губа* (guba*)**, обозначают собственно корпоральную аномалию: *безгубый* ‘не имеющий губ’ [Даль, т. 1, с. 61]. Это также подтверждается фактами антропонимии, ср. современные русские и украинские фамилии *Безгуб*, *Безгуба*, *Безгубый*, *Безгубенко*, *Безгубин*, *Безгубкин*, *Безгубов* и др. Обилие дериватов и разнообразие словообразовательных моделей в антропонимической системе указывают на достаточную распространенность реалии – физического увечья, связанного с повреждением или отсутствием губ.

Лексика, образованная от *брила* (rydlo*)**, демонстрирует смысловое варьирование, определяемое значением производящей основы. Так, диал. *брила́* может обозначать собственно губу (тул., новг., сев.-двин., волог., нижегор., костр., урал., яросл., вят. *брила́* ‘губа’

[СРНГ, т. 3, с. 180]) и толстую, отвислую губу¹ (яросл., иван. *брила́* ‘толстая, отвислая губа у человека, собаки’, костр., волог. *брила́* ‘о человеке с толстой, отвислой губой’² [Там же], волог. *бри́лы*, *бри́лы* губы, обычно толстые и отвислые’ [СГРС, т. 1, с. 185], яросл. *бри́лы* ‘отвислые щеки и губы у человека или собаки’ [ЯОС, т. 1, с. 35]; сюда же волог., новг. *брила́н* ‘прозвище человека с толстыми, отвислыми губами’, костр. *брила́н* ‘о человеке, имеющем толстую верхнюю губу’, волог., яросл. *брила́стый* ‘с толстыми, отвислыми губами’ [СРНГ, т. 3, с. 180], яросл. *брила́стый* ‘имеющий отвислые губы или щеки’ [ЯОС, т. 1, с. 35]).

Соответственно, лексика, номинирующая отсутствие *брил*, может обозначать непосредственно корпоральную аномалию: волог. *безбри́лый* ‘с поврежденными губами’ [СРНГ, т. 2, с. 181] (от *брила́* ‘губа’). Второй тип значений представлен в антропонимиконе (новг. *Безбри́л* ‘прозвище крестьянина’, новг. *Безри́л* ‘прозвище человека с тонкими губами’ [СРНГ, т. 2, с. 181, 198], ср. также современную русскую фамилию *Безбрилов*) и, кажется, имеет в качестве производящей основы *бри́лы* ‘толстые, отвислые губы’. В таком случае интересно отметить сдвиг нормы: отрицается не норма (губы обычной толщины), а аномалия. *Безбри́л*, таким образом, есть отрицание аномалии (сохраняющей экспрессивную окраску), но поскольку тонкие губы носителями языка отмечаются и выделяются как ненорма, толстые губы сдвигаются в разряд нормы³.

¹ Ср. новг. *брила́* ‘подбородок’, урал. *брила́* ‘сережки (мясистый нарост) у курицы’, сюда же яросл. *брила́стый* ‘с толстыми, отвислыми щеками’ [СРНГ, т. 3, с. 180]. Все эти значения объединяются общей семьей ‘нечто отвислое, мясистое’ (ср. предположительное родство с укр. *брила*, польск. *brula* ‘глыба, ком’ [Фасмер, т. 1, с. 222]).

² Ср. также костр. *брила́* ‘упрямый, капризный человек’ [СРНГ, т. 3, с. 180]: это значение появилось вследствие метафорического переноса (на основе представления о том, что такой человек имеет надутые губы).

³ Ср. древнерусский живописный канон (изображение рта на иконах и миниатюрах несоизмеримо малым по сравнению с носом и глазами, имеющее отношение к греховности губ, их символической связи с половыми органами, запрету на использование рта в любых целях, кроме приема пищи), противопоставленный народным представлениям

Зубы

Зубы или их отсутствие являются, в первую очередь, социальным и возрастным маркером, по народным представлениям, они связаны с понятиями жизненной силы и возраста: дети и старики лишены зубов, и это символ неспособности к полноценному функционированию в социуме, знак слабости и уязвимости. И хотя отсутствие зуба или зубов у взрослого человека представимо и частотно (лишение зубов не естественным путем, а вследствие травм), апеллятивная лексика, номинирующая отсутствие этого органа, практически не сохраняет прямого значения корпоральной аномалии именно по причине сильного влияния коннотаций, связанных с социальным и возрастным статусом¹ (за исключением редких случаев: литер. *беззубый* 'не имеющий или лишившийся зубов', без указ. м. *обеззубеть* 'потерять, утратить зубы, остаться без зубов' [Даль, т. 2, с. 593]). Семантика собственно отсутствия соматического объекта, не маркирующая возраст и социальное положение, представлена преимущественно в фактах антропонимикона, ср. русские и украинские фамилии *Беззуб*, *Беззубин*, *Беззубенко*, *Беззубец*, *Беззубик*, *Беззубиков*, *Беззубов*, *Беззубцев*, *Безозуб*, *Беззубый* и мн. др. Активность словообразовательной деривации и высокая степень распространенности проприальной лексики, номинирующей отсутствие зубов, свидетельствует о частоте соответствующего дефекта (зубы – «непостоянный» орган, утрата или неимение (в определенном возрасте) зубов, в отличие от утраты других органов, нормальны и не влекут за собой явного уродства или потери

о красивых губах (где определяющей «нормой» были крупные размеры рта – символ здоровья и сексуальной привлекательности) – подробнее см. [Пушкарева, 2005, с. 85–101].

¹ Примечательна актуализация возрастной и социальной сем именно при обозначении отсутствия соматического объекта, семантика лексики, утверждающей его наличие, отсылает к аномальности развития зубов или к представлениям о демонстрации зубов как о проявлении агрессивности и угрозы (ср. перм., ср. урал., олон., курск., арх., томск. *зубатый* 'вздорный, неуступчивый; сварливый, ворчливый, дерзкий; любящий спорить, вступать в пререкания', *зубач* без указ. места 'о человеке с большими зубами', арх. 'насмешник', 'ворчун, грубиян' [СРНГ, т. 11, с. 358] и проч.).

дееспособности). Апеллятивная лексика, образованная по модели *без + зуб*, может формально иметь конкретную соматическую семантику (*de facto* значение модифицируется под влиянием коннотаций, ср. перм. «Только от старых, беззубатых узнавать [можно о прошлом]» [СРГСПермК, т. 1, с. 79]), а может обозначать перенесенную функцию соматического объекта (с метонимическим переносом характеристик части тела на обозначение всей части тела и дальнейшим включением механизма метафоры при характеристике несоматических явлений: литер. *беззубый* ‘лишенный остроты, слабый, бессильный’). Метафорические обозначения старого человека как *беззубого* во множестве представлены во фразеологии, где прилагательное *беззубый*, располагающееся в левой части выражения, является устойчивым компонентом, а правая часть может варьировать (при этом фразеологизм в целом носит явно выраженный экспрессивный характер): печор. *беззубая репя* ‘говорят о взрослых, утративших много зубов, или о маленьких детях, у которых зубы только начинают расти’ [ФСНП, т. 1, с. 36], мордов. *беззубая кандалá* ‘о человеке, не имеющем зуба или зубов’, мордов. *моркóвь беззубая* ‘груб. о старом, дряхлом человеке’ [СРГМ, т. 3; т. 4, с. 33], иркут. *беззубый чёрт* ‘бран. старый человек’, сиб. *беззубый талалá* ‘презр. старый, выживший из ума человек’ [ЧДФ, с. 23].

ЧЕЛЮСТИ, СКУЛЫ

Концептуализация в языке отсутствия этих соматических объектов связана с позициями конкретная соматическая семантика и расширенная соматическая семантика, а отсутствие дальнейшей семантической деривации обусловлено, по всей видимости, как отнесенностью данных частей тела к разряду топографических (а не функциональных, имеющих гораздо больше потенций для развития значения), так и сравнительной редкостью увечья. Этим же объясняется и малое количество фиксаций: так, лексика, номини-

рующая отсутствие скул, встречается только в антропонимиконе (совр. рус. фамилии *Безскулов*, *Бесскулов*), а в апеллятивной лексике мы обнаружили только два слова, обозначающие отсутствие челюстей (дон. *бессалáсочный* ‘человек с поврежденной челюстью’ [БТДК, с. 43], казаки-некрасовцы *бессалáсный* ‘беззубый, с впалыми щеками’ [СГКН, с. 32]¹), причем первый случай относится к сфере конкретной соматической семантики, а второй – к расширенной соматической семантике.

Язык

В свете задач статьи нас интересовали семантико-словообразовательные дериваты только от *язык* ‘подвижный мышечный орган в ротовой полости’, ‘орган речи’. Производные от первого значения слова *язык* номинируют корпоральную аномалию и связаны, вероятно, с традицией пыток и наказаний через отсечение и вырывание языка (подробнее см. [Евреинов, с. 32]): арх. *безъязыкой* ‘немой, не владеющий речью’: «Она, говорят, безъязыка, параличь разбил» [АОС, т. 1, с. 153], новосиб. *безъязычный* ‘не умеющий хорошо говорить’ [СРГС, т. 1, с. 59], мордов. *безъязычный* ‘молчаливый’ [СРГМ, т. 1, с. 35], перм. *безъязыкий* ‘не умеющий говорить’ [СРГСПермК, т. 1, с. 81], ср. др.-рус. **безъязычный** ‘лишенный языка, способности говорить’ [СлРЯ XI–XVII вв., т. 1, с. 130]² (в этих случаях в семантике слов отражается перенесенная функция соматического объекта). Язык – функциональный орган, и функция участия в порождении речи доминирует в представлениях о данном соматическом объекте (что в дальнейшем приводит к случаям контаминации семантики собственно части тела со значением ‘система словесного выражения мыслей’ как на уровне производящей ос-

¹ Ср. енис., забайк., новосиб., омск., сиб., яросл., твер., калуж., орл., рост., дон. *салáзки* ‘челюсти’, тул. ‘скулы’, дон. ‘нижняя челюсть’ [БТДК, с. 469; СРНГ, т. 36, с. 54].

² Ср. современные русские фамилии *Безъязыков*, *Безъязычный*, *Безъязыков*, *Безъязычный*, *Безъязыков*.

новы, так и в дериватах: например, перм. *безъязычить* ‘заставлять молчать’ [СРНГ, т. 2, с. 204] и др.).

Уши

Лексика, номинирующая отсутствие уха или ушей, связана с двумя семантическими позициями: конкретная соматическая семантика и значение физиологического дефекта. Прямое значение отрицания корпоральной нормы обеспечивается производящей основой со значением ‘орган слуха’ (например, литер. *безухий* ‘не имеющий уха, ушей или ушка’), а лексика, имеющая переносное значение *безухости* как ‘глухоты’, восходит к слову *ухо* ‘слух, способность слышать’ (сиб., перм. *безухий* ‘глухой’ [СРГС, т. 1, с. 59; СРГСПермК, т. 1, с. 81]), т. е. многозначность дериватов обеспечивается полисемией производящей основы. Сравнительная распространенность увечья, имеющая, по всей видимости, отношение к пыткам и наказаниям отрезанием ушей, подтверждается фактами антропонимикона, ср. российские и украинские фамилии *Безух*, *Безухов*, *Безушкин*, *Безушко*, а также яросл. *Безухой* ‘прозвище жителя д. Семенцево’ [АКТЭ].

Волосы

Представления о волосах в народной культуре несут значительную символическую нагрузку, поэтому в языке выделяются и весьма глубоко разрабатываются лексические группы, дифференцированные по признаку отрицаемой реалии.

Собственно волосы (на голове). Состояние волос, как и зубов, – показатель здоровья, а отсутствие этого соматического объекта привлекает внимание и отражается в языковых обозначениях, несмотря на то, что волосы не обладают «прагматической» функцией (скорее, эстетической) и облысение не относится к числу корпоральных аномалий, влекущих за собой недееспособность (но является гендерным и возрастным маркером). Лексика, номинирующая отсутствие волос, не развивает вторичных значений, но маркирует непосред-

ственно корпоральную аномалию (конкретная соматическая семантика): литер. *безволóсый* ‘лишенный волос’, пск. *безволóсый* ‘то же’ [ПОС, т. 1, с. 149], перм. *безволóсный* ‘безволосый, лысый, плешивый’ [СРНГ, т. 2, с. 183], без указ. м. *безволосье* или *безволосица* ‘недостаток, отсутствие волос, лысота, лысость, плешивость’, *безволосить* кого (*обезволосить*) ‘лишать волос, делать плешивым’ [Даль, т. 1, с. 59], перм. *безволóсый* ‘частично или полностью лишившийся волос на голове’ [СРГСПермК, т. 1, с. 78], ср. др.-рус. **БЕЗВЛАСЫЙ** ‘безволосый’ [СлРЯ XI–XVII вв., т. 1, с. 98]. Особое внимание уделяется отсутствию волос (косы, хвоста) у женщин (девушек): якут. *бесхвóстая девка* ‘девушка с остриженной косой’ [СРНГ, т. 2, с. 282], пск. *бесхвóстка* ‘прозвище женщины’: «Дунечка-бесхвостка» [ПОС, т. 1, с. 195], без указ. м. *безкосый* ‘не имеющий косы на голове’: «Безкосая девка» [Даль, т. 1, с. 65]. Связано это с брачной символикой женской прически, когда коса как символ готовности девушки к браку становится предметом гордости и особой заботы¹, а насильственное обрезание косы является знаком бесчестия и поругания [СД, т. 2, с. 617].

Борода и усы. Наличие бороды и усов у мужчины – знак зрелости, социальный и возрастной маркер, поэтому лексика, обозначающая отсутствие этих соматических объектов, имеет устойчивые коннотации, связанные с возрастом и социальным положением человека, называемого *безбородым* и *безусым*². При этом возможны следующие семантические позиции.

Конкретная соматическая семантика. Номинации отсутствия бороды: литер. *безборóдый* ‘не имеющий, не носящий боро-

¹ Ср. белор. *дзеўка без касы не мае красы* [СД, т. 2, с. 616].

² Следует, разумеется, учитывать разную степень символической нагруженности представлений о данных соматических объектах: символика бороды богаче, она маркирует не только возраст, но и принадлежность к определенной социальной группе и др.; соответственно, различия и объем лексических групп, номинирующих отсутствие бороды и усов, и степень семантико-словообразовательной деривации внутри них.

ды; о человеке: молодой, юный; устар. в применении к чиновникам и военным, для которых бритье бороды было обязательно¹, вят. *безбороденький* ‘не имеющий бороды’ [СРНГ, т. 2, с. 181], онеж. *безбородка* ‘мужчина, у которого не растет борода’ [СРГК, т. 1, с. 51], дон. *безбородный* ‘молодой человек, не имеющий бороды’: «А забирали и старых, и бизбародных» [БТДК, с. 39], ср. др.-рус. **ВЕЗБРАДЪНЪ, ВЕЗБРАДНЫЙ** ‘безбородый’ [СДРЯ, т. 1, с. 110; СЛРЯ XI–XVII вв., т. 1, с. 94]. Номинации отсутствия усов: литер. *безусый* ‘без усов; очень юный’, перм. *безусик* ‘юноша, у которого не выросли усы; тот, у кого не отросли усы после бритья’ [СРНГ, т. 2, с. 203], смол. *безусовый* ‘безусый’ [ССГ, т. 1, с. 153].

Расширенная соматическая семантика (для лексики, образованной по модели *без + борода*). Заполнение этой позиции объясняется тем, что борода является символом жизненной силы и плодородия, обязательным атрибутом мужчины, и плохой рост ее обращает на себя внимание: литер. *безбородый* ‘имеющий мало волос в бороде’, казан. *безбородец* ‘мужчина, у которого плохо растет борода’ [СРНГ, т. 2, с. 181].

О том, что отсутствие бороды и усов – достаточно яркий и значимый признак, говорят факты антропонимии. Существует множество фамилий, образованных по модели *без + борода*, *без + усы*: *Безбород*, *Безбородый*, *Безбороденко*, *Безбородин*, *Безбородкин*, *Безбородко*, *Безбородный*, *Безбородых*, *Безбородько*, *Безусый*, *Безусенко*, *Безусов* и т. п.; ср. также прозвища: арх. *Безбородый* ‘прозвище жителя н. п. Роговщина’: «Лицо голое, не росла борода» [АКТЭ], киров. *Безбородый* ‘прозвище мужчины, у которого нет бороды’ [БСРП, с. 88] и т. д.

¹ Ср. способность *бороды* быть метонимическим заместителем старика, мужчины и вообще человека: дон. *борода* ‘о деде, старике’, оренб. *пустая борода* ‘бестолковый человек’ [СРНГ, т. 3, с. 108], прост. *борода* ‘о пожилом человеке с большим жизненным опытом’, литер. *борода* ‘в обращении к человеку, носящему бороду’ [ССРЛЯ, т. 1, с. 577, 578] и мн. др.

Проанализировав лексику с приставкой *без-*, образованную от обозначений частей головы (лица), можно сделать некоторые выводы.

Во-первых, очевидна высокая степень детализации представлений об отсутствии частей тела, относящихся к зоне головы (ср., например, такую цепочку конкретизации: *голова* → *лицо* → *нос* → *ноздри*). Это объясняется повышенным вниманием, уделяемым голове и лицу как «заместителю» человека, «зеркалу» его физической, социальной и духовной жизни. Кроме того, маркировка отсутствия определенных соматических объектов может отражать последствия того или иного типа пыток.

Во-вторых, глубина «проработанности» в языке представлений о разных соматических объектах закономерным образом разнится. Разветвленность семантической деривации и доминирование производных от одной основы над другими, определяемое, в первую очередь, по количественному признаку, а во вторую – по степени распространенности значения в пространстве (в разных языковых идиомах) и во времени (в различных хронологических пластах языковой системы¹), зависят от нескольких факторов, среди которых:

– отнесенность отрицаемого соматического объекта к разряду функциональных или топографических, а также степень функциональности органа. Так, лексика, обозначающая функциональные органы (и их отсутствие), имеет больший потенциал развития вторичных значений на основе метонимии (функция органа замещает весь соматизм) и метафоры. Ср., например, семантический диапазон лексики, образованной по моделям *без + нос* и *без + ухо*: в

¹ К примеру, реализации модели ‘без глаз, без зрения’ → ‘бесстыжий, дерзкий’ на материале русского языка отмечены только в исторических словарях; на синхронном уровне они, кажется, не фиксируются.

обоих случаях в языке маркируется отсутствие органов перцепции, но при этом для наивной языковой картины мира, по всей видимости, более функциональным представляется *ухо* (и слух, а не обоняние). Номинации *безухости* занимают семантические позиции конкретная соматическая семантика и физиологический дефект, в то время как семантика номинаций *безносости* остается в рамках соматической сферы (конкретной и расширенной соматической семантики). В случаях, когда язык имеет дело с функционально нагруженными органами, полисемия может развиваться уже на уровне производящей основы, и тогда следует разделять семантико-словообразовательные дериваты в зависимости от семантики исходного слова (ср., например, корпоральное и функциональное значения слов типа *голова* или *мозг*). Представления о топографических органах значительно реже воплощаются в соматических дериватах с приставкой *без-* (ср. единичные фиксации слов, образованных от основ *лоб*, *щека* и проч.);

– характеристика соматического объекта с точки зрения его значимости для человеческой жизни. По отношению к словам, обозначающим части тела, отсутствие которых несовместимо с жизнью, действует такая закономерность: приставочное образование с *без-* чаще всего развивает значение на основе механизма метафоры, обеспеченной приматом функции, ср. лексику, номинирующую отсутствие *головы* и *мозга*;

– стилистическая и смысловая специфика производящей основы (при наличии нескольких основ, обозначающих один и тот же соматический объект). В случае синонимии основ одна из них может оставаться нейтральной, а другая получать экспрессивную окраску, что отражается в процессах семантической деривации. Так, лексика, образованная по модели *без + око*, является преимущественно книжной и имеет абстрактное значение, а лексика, производная от хронологически более нового экспрессива

глаз, номинирует в основном собственно соматические дефекты (ср. также расхождения стилистики и семантики слов, образованных от основ *губа* и *брыля*).

Если сравнивать семантику лексем, обозначающих наличие какой-либо части тела и выраженность ее функций, со значениями приставочных образований с *без-*, можно заметить, что последние актуализируют смысловые компоненты, отсутствующие или имплицитно представленные в значениях «положительных» лексем. Так, в словах, образованных по модели *без + зуб*, актуализируются социальные и возрастные смыслы, – в отличие от лексических единиц, обозначающих наличие зубов (типа *зубастый*), которые отсылают к аномальности развития зубов или к представлениям о демонстрации зубов как о проявлении агрессивности и угрозы)¹.

По тематической отнесенности реципиентной зоны метафоры (в случаях расширения значения и выхода его за пределы зоны соматики) можно, вероятно, судить о денотативных сферах, наиболее остро нуждающихся в номинациях аномальности. Вообще, если анализировать всю приставочную отсоматическую лексику с *без-* (не ограничиваясь производными от названий частей головы), то можно увидеть, что семантика образований, «отрицающих» соматизмы, чаще всего расположена в зоне характеристик человека (интеллектуальных, поведенческих, социальных etc.). Столь явная потребность определенной сферы в многочисленных номинациях аномалий ставит проблему обозначения корпоральной нормы и связанной с ней точки зрения.

Казалось бы, при достаточно развитой системе номинаций отклонений от нормы через отрицание должна существовать анто-

¹ Подобным образом ведут себя языковые обозначения других «непостоянных» соматических объектов (*волос, бороды и усов*): приставочные образования с *без-* в этих случаях тоже содержат семы возраста и социального статуса.

нимичная лексика, обозначающая собственно норму («отправной пункт» для отрицания), однако выясняется, что положительные маркеры реалии (т. е. слова, которые утверждают наличие части тела и выраженность ее функций) выделяют не норму, а тоже некоторую аномалию, отклонение от нормы или ее превышение. Это соответствует свойствам языка как ценностной системы: избегание номинаций нейтральной позиции и детализированное освоение степеней и разновидностей проявления признака (высокой, максимальной, аномальной) или его отсутствия (полного или частичного)¹. Кроме того, актуализация через отрицание семантических компонентов, имплицитных для «положительных» номинаций реалии, влияет на степень антонимичности (полную или неполную) слов, обозначающих отсутствие признака vs. ярко выраженную степень его проявления.

Удобней всего представить градацию антонимичности и вариативность нормы / антинормы для лексики, номинирующей изучаемые соматизмы, в виде таблицы (табл. 1).

В таблицу включены рассмотренные выше образования с приставкой *без-*. Что касается «положительных» лексем, то маркерами ярко выраженной степени проявления признака служат следующие отсоматические прилагательные: *головастый, башковитый, мозговитый, глазастый, носатый, губастый, бриластый, зубастый, скуластый, языкастый, ушастый, волосатый, бородатый, усатый, лобастый, бровастый, щекастый*.

В таблице знаком «+» отмечается наличие лексемы и наличие у нее определенного типа значения; знаком «-», соответственно, отсутствие лексемы или отсутствие у нее какого-либо типа значения, а в графе «Отношения антонимии» – отсутствие оснований для со-

¹ О модели увеличения (удвоения) или отсутствия корпоральной нормы и обобщения деформаций в класс *не-норма* (схема $N \pm 1$ или $0,5$, где N – нормальное количество) подробнее см. [Шабалина, 2011, с. 10, 14, 20].

Таблица 1

Соматизм	Лексика, обозначающая ярко выраженную степень проявления признака			Лексика, обозначающая отсутствие признака (без + соматизм)			Отношения антонимии	
	Соматика		Функция	Соматика		Функция	Соматика	Функция
	Конкр.	Расшир.		Конкр.	Расшир.			
Голова	–	+	+	+	–	+	Неполн.	Полн.
Башка	–	–	+ (С)	–	–	+	–	Неполн.
Мозг	–	–	+	–	–	+	–	Полн.
Глузд	–	–	–	–	–	+	–	–
Глаза	–	+	+	+	+	+ (С)	Неполн.	Неполн.
Очи	–	–	–	+	+	+ (С)	–	–
Нос	–	+	–	+	+	–	Неполн.	–
Губы	–	+	–	+	+ (С)	–	Неполн.	–
Брилы	+	–	–	+ (С)	+	–	Неполн.	–
Зубы	–	+	+	+ (К)	+	+	Неполн.	Полн.
Скулы	–	+	–	+ (ИС)	+ (ИС)	–	Неполн. (?)	–
Салазки	–	–	–	+	+	–	–	–
Язык	–	–	+	+	–	+	–	Полн.
Уши	–	+	–	+	–	+	Неполн.	–
Волосы	–	+	–	+ (К)	+ (К)	–	Неполн.	–
Борода	+	+	–	+ (К)	+	–	Неполн.	–
Усы	+	+	–	+ (К)	–	–	Неполн.	–
Лоб	–	+	+	–	+	–	Полн.	–
Брови	–	+	–	+	+	–	Неполн.	–
Ресницы	–	–	–	+	–	–	–	–
Щеки	–	+	–	+ (ИС)	+ (ИС)	–	Полн. (?)	–
Небо	–	–	–	+	–	–	–	–

поставления. Семантические сферы физиологической дефект и перенесенная функция соматизма объединены в одну графу «Функция» из-за несущественности семантических расхождений для данного сопоставления. (К) обозначает устойчивые коннотации, влияющие на семантику слова, (С) – актуализацию дополнительных сем, (ИС – имя собственное) и (?) – недостаточность материала для

получения выводов (когда известны только факты антропонимикона и невозможно с точностью установить мотивационный признак). Учитывались только те соматизмы, которые могут давать образования с приставкой *без-*. Материалом для сопоставления явились пары отсубстантивных прилагательных типа *головастый* – *безголовый* (формы типа *головач* не учитывались, поскольку чаще всего они не имеют негативного словообразовательного дублета, хотя в ряде случаев и дают интересные семантические сдвиги). Приходится не принимать во внимание разницу в способах образования лексем, обозначающих отсутствие признака и ярко выраженную степень его проявления (собственно суффиксальный, конфиксальный; образование из предложно-падежной формы, производное от прилагательного или существительного), т. е., по большому счету, снимать фактор словообразовательной семантики (в частности, экспрессивность суффиксов *-ат/-аст/-ит-*). Данное сопоставление носит пилотажный характер и имеет смысл для выявления лишь самых общих тенденций асимметрии значений.

Очевидна как редкость полной антонимичности даже в рамках одного типа значения (конкретного или абстрактного) и ее отсутствие для всего комплекса значений слова, так и спорадичность лексики, утверждающей наличие соматического объекта (только «необязательные» *борода* и *усы* и экспрессив *брилы*, обозначающий аномалию), – а значит, редкость обозначения нормы. Кроме того, заметно преобладание абстрактной, «функциональной» семантики образований с *без-* по сравнению с лексикой, номинирующей ярко выраженный признак. Помимо появления у приставочных образований дополнительных сем, актуализирующих функции части тела, возможны колебания в семантике приставки, которые приводят к появлению номинативной дублетности (чаще всего в рамках сферы расширенная соматическая семантика), когда отсутствие (*без*) аналогично недостаточности (*узко*, *мало* и проч.). Такие семан-

тические сдвиги также выявляют варьирование и колебание нормы /антинормы: без указ. места *безлобий* ‘у кого нет лба; узколобий’, волог. *безно́сики, без но́сика (малонóсики)*, новг. *Безри́л* ‘прозвище человека с тонкими губами’¹.

Безусловно, проблема оязыковления нормы и аномалии, выбора языковой системой лексических или словообразовательных средств для этого есть проблема глобальная, которую не представляется возможным решить на столь узком материале, однако некоторые тенденции, думается, были обозначены в настоящей статье.

Источники и принятые сокращения

1. АКТЭ – *Антропонимическая* картотека топонимической экспедиции УрГУ – УрФУ (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета имени Первого Президента Б. Н. Ельцина, Екатеринбург).

2. АОС – *Архангельский* областной словарь / под ред. О. Г. Гецово-вой. – Москва : Изд-во Московского университета ; Наука, 1980–2010. – Вып. 1–13.

3. Афанасьева-Медведева – *Афанасьева-Медведева Г. В.* Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири : в 20 томах / Г. В. Афанасьева-Медведева. – Санкт-Петербург : Наука, 2007–2012. – Т. 1–10.

4. БСЖ – *Мокиенко В. М.* Большой словарь русского жаргона : 25 000 слов, 7 000 устойчивых сочетаний / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина ; С.-Петерб. гос. ун-т. Межкаф. слов. каб. им. Б. А. Ларина. – Санкт-Петербург : Норинт, 2000. – 716 с.

5. БСРП – *Мокиенко В. М.* Большой словарь русских поговорок : более 40 000 образных выражений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина ; Междунар. ассоц. преподавателей рус. яз. и лит., Рос. о-во преподавателей рус. яз. и лит., СПб. гос. ун-т. – Москва : Олма Медиа Групп, 2008. – 783 с.

6. БТСДК – *Большой* толковый словарь донского казачества / Ростов. гос. ун-т ; Ф-т филологии и журналистики ; Каф. общ. и сравнительн. языкознания. – Москва : Русские словари : Издательство Астрель : Издательство АСТ, 2003. – 608 с.

¹ Ср. также случаи типа фольк. *несердечный* ‘бессердечный’ [СРНГ, т. 21, с. 150] с частотной дублетностью приставок *без-* и *не-* (перм. *безгордый* ‘негордый’ [СРНГ, т. 1, с. 185], вят. *невредливый* ‘безвредный’ [СРНГ, т. 20, с. 360] и мн. др.).

7. Воронцова, 2011 – *Воронцова Ю. Б.* Словарь коллективных прозвищ : who is who по-русски / Ю. Б. Воронцова ; Рос. акад. наук, Программа «Словари XXI века». – Москва : АСТ-ПРЕСС : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2011. – 446 с.

8. Ганцовская – *Ганцовская Н. С.* Словарь говоров Костромского Заволжья : междуречье Костромы и Унжи [Рукопись] / Н. С. Ганцовская.

9. Даль – *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 томах / В. И. Даль. – Москва : Русский язык, 1981–1982. – Т. I–IV. – (Ре-принт с изд.: Москва, 1880–1882).

10. Деул. словарь – *Словарь* современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / под ред. И. А. Оссо-вечкого. – Москва : Наука, 1969. – 612 с.

11. Дуров – *Дуров И. М.* Словарь живого поморского языка в его быто-вом и этнографическом применении / И. М. Дуров ; отв. ред. И. И. Мулло-нен. – Петрозаводск : ИЯЛИ КНЦ РАН, 2011. – 453 с.

12. ЕСУМ – *Етимологічний* словник української мови : у 7 т. / голов. ред. О. С. Мельничук. – Київ : Наукова думка, 1982–2006. – Т. 1–5.

13. *История* фамилии : информационно-исследовательский центр [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.familii.ru/>.

14. Кюршунова – *Кюршунова И. А.* Словарь некалендарных лич-ных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. / И. А. Кюршунова. – Санкт-Петербург : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2010. – 672 с.

15. ЛКТЭ – *Лексическая* картотека топонимической экспедиции УрГУ – УрФУ (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета имени Первого Президента Б. Н. Ельцина, Екатеринбург).

16. НОС – *Новгородский* областной словарь / отв. ред. В. П. Строго-ва. – Новгород : Изд-во Новгородского государственного педагогического института, 1992–2000. – Вып. 1–13.

17. Ономастикон – *Веселовский С. Б.* Ономастикон : древнерусские имена, прозвища и фамилии / С. Б. Веселовский. – Москва : Наука, 1974. – 382 с.

18. ОСК – *Областной* словарь Кузбасса : научное издание : вып. 1 : А–Б / под ред. Э. В. Васильевой. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 2001. – 394 с.

19. Полякова, 2005 – *Полякова Е. Н.* К истокам пермских фамилий : словарь / Е. Н. Полякова. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1997. – 276 с.

20. ПОС – *Псковский* областной словарь с историческими данными. – Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1967–2008. – Вып. 1–20.

21. Расторгуев – *Расторгуев П. А.* Словарь народных говоров Западной Брянщины : материалы для истории словарного состава говоров / П. А. Расторгуев; ред. Е. М. Романович. – Минск : Наука и техника, 1973. – 296 с.
22. СГКН – *Сердюкова О. К.* Словарь говора казаков-некрасовцев / О. К. Сердюкова. – Ростов-на-Дону : Издательство Ростовского университета, 2005. – 320 с.
23. СГРС – *Словарь* говоров Русского Севера / под ред А. К. Матвеева. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2001–2011. – Т. 1–5.
24. СД – *Славянские древности: этнолингвистический словарь* : в 5-ти томах / под ред. Н. И. Толстого. – Москва : Международные отношения, 1995–2012. – Т. 1–5.
25. СДРЯ – *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)* : в 10 томах. – Т. 1–8 [издание продолжается] / АН СССР, Институт русского языка. – Москва : Русский язык ; Азбуковник, 1988–2008.
26. СлРЯ – *Словарь русского языка* : в 4 томах / под ред. А. П. Евгеньевой. – Москва : Русский язык, 1981–1984. – Т. I–IV.
27. СлРЯ XI–XVII вв. – *Словарь русского языка XI–XVII вв.* – Москва : Наука, 1975–2008. – Т. 1–28.
28. СРГК – *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей* : в 6 выпусках / гл. ред. А. С. Герд. – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1994–2005. – Вып. 1–6.
29. СРГМ – *Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР (Республики Мордовия)*. – Саранск, 1978–2006. – Т. 1–8.
30. СРГНП – *Словарь русских говоров Низовой Печоры* : в 2 томах / под ред. Л. А. Ивашко. – Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2003–2005. – Т. 1–2.
31. СРГС – *Словарь русских говоров Сибири* : в 5 томах / под ред. А. И. Федорова. – Новосибирск : Наука. Сиб. предприятие РАН, 1999–2006. – Т. 1–5.
32. СРГСПермК – *Словарь русских говоров севера Пермского края* / под ред. И. И. Русиновой. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2011–. Вып. 1 : А–В. – 364 с.
33. СРНГ – *Словарь русских народных говоров* : в 44 томах / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, С. А. Мызникова. – Москва ; Ленинград ; Санкт-Петербург : Наука, 1965–2011. – Вып. 1–44.
34. ССГ – *Словарь смоленских говоров* / под ред. А. И. Ивановой. – Смоленск : Смолгортипография Управления издательств, полиграфии и книжной торговли Смолоблисполкома, 1974–2005. – Вып. 1–11.

35. ССРЛЯ – *Словарь* современного русского литературного языка : в 17 томах. – Москва : Наука ; Ленинград : Издательство АН ССР, 1948–1965. – Т. 1–17.
36. Тупи́ков – *Тупиков Н. М.* Словарь древнерусских личных собственных имен / Н. М. Тупиков ; ред. В. М. Воробьев ; вступ. ст., подгот. текста В. М. Воробьева. – Перепеч. с изд. 1903 г. – Москва : Русский путь, 2004. – 894 с. – (Федеральная целевая программа «Культура России»).
37. Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 томах / Макс Фасмер; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – Москва : Прогресс, 1986–1987. – Т. I–IV.
38. ФСНП – *Фразеологический* словарь русских говоров Нижней Печоры : в 2 томах / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед., Коми гос. пед. ин-т ; сост. Н. А. Ставшина. – Санкт-Петербург : Наука, 2008. – Т. 1–2.
39. ФСПГ – *Прокошева К. Н.* Фразеологический словарь пермских говоров / К. Н. Прокошева. – Пермь : Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2002. – 431 с.
40. ЧДФ – *Алексеенко М. А.* Человек в русской диалектной фразеологии : словарь / М. А. Алексеенко, О. И. Литвинникова, Т. П. Белоусова. – Москва : ИТИ Технологии, 2004. – 238 с.
41. Черных – *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: 13560 слов : в 2 томах / П. Я. Черных. – 3-е изд., стер. – Москва : Русский язык, 1999. – Т. 1–2.
42. Шульгач – *Шульгач В. П.* Нариси з праслов'янської антропонімії / В. П. Шульгач ; Нац. акад. наук. України, Ін-т укр. мови. – Київ : Довіра, 2008. – (Бібліотека української ономастики). Ч. 1. – 413 с.
43. ЭСБМ – *Этымалагічны слоўнік* беларускай мовы : у 11 т. [выданне працягваецца] / рэд. В. Ё. Мартынаў, Г. А. Цыхун. – Мінск : Акадэмія навук БССР; Беларуская навука, 1978–2006. – Т. 1–11.
44. ЭССЯ – *Этимологический* словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / отв. ред. акад. О. Н. Трубачев. – Москва : Наука, 1974–2009. – Вып. 1–35.
45. ЯОС – *Ярославский* областной словарь. – Ярославль, 1981–1991. – Вып. 1–10.

Литература

1. *Аркадьев П. М.* Части тела и их функции (по данным русского языка и русского языка тела) / П. М. Аркадьев, Г. Е. Крейдлин // Слово и язык : сборник к восьмидесятилетию академика Ю. Д. Апресяна. – Москва : Языки славянских культур, 2011. С. 41–54.

2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – 895 с.

3. Березович Е. Л. Семантико-мотивационное своеобразие русской диалектной лексики с приставкой без- / Е. Л. Березович, О. Д. Сурикова // Актуальные проблемы русской диалектологии : тез. докл. междунар. конф. 27–28 октября 2012 г. – Москва : Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2012. – С. 11–13.

4. Евреинов Н. История телесных наказаний в России / Н. Евреинов. – Белгород : Пилигрим; Прогресс ЛТД, 1994. – 235 с. – (Репринт. изд.)

5. Журавлев А. Ф. Древнеславянская фундаментальная аксиология в зеркале праславянской лексики / А. Ф. Журавлев // Славянское и балканское языкознание : проблемы лексикологии и семантики : слово в контексте культуры / ред. кол. Н. И. Толстой [и др.]. – Москва : Индрик, 1999. – С. 7–32.

6. Пушкарева Н. Л. «Мед и млеко под языком у нее» (Женские и мужские уста в церковном и светском дискурсах России X – начала XIX в.) / Н. Л. Пушкарева // Тело в русской культуре : сборник статей / сост. Г. И. Кабакова и Ф. Конт. – Москва : Новое литературное обозрение, 2005. – С. 78–102.

7. Толстая С. М. Пространство слова : лексическая семантика в общеславянской перспективе / С. М. Толстая. – Москва : Индрик, 2008. – 527 с.

8. Унбегаун Б. Русские фамилии : [пер. с англ.] / Б. Унбегаун ; под. ред. Б. А. Успенского. – Москва : Прогресс, 1989. – 443 с.

9. Шабалина Е. В. Семантико-мотивационное своеобразие русской лексики с числовым компонентом : этнолингвистический аспект : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Е. В. Шабалина. – Екатеринбург, 2011. – 175 с.

10. Tyra A. Frazeologia somatyczna: związki frazeologiczne o znaczeniach motywowanych cechami części ciała w gwarach polskich / A. Tyra. – Łask : LEKSEM, 2005. – 373 p.

© Сурикова О. Д., 2012

On Study of Semantic Peculiarities of Somatic Derivatives with Prefix *Bez-* in Russian Linguistic Tradition

O. Surikova

The article presents the semantic-motivational analysis of Russian dialect and common words with the prefix *bez-* derived from words denoting somatic objects relating to the head and face zone (for example, *bezglazyi* "one-eyed", *bezzubyi* "unsharp, weak, powerless"). Semantic types of somatic derivatives with the prefix *bez-* are identified. The conducted analysis helps to state that the ideas of absence of body parts relating to the head zone are highly detailed; the ideas of various somatic objects are asymmetrically "elaborated" in the language. The article reveals the words denoting functional organs that have the bigger potential of the secondary meaning development in comparison with the other lexemes of this group. The author determines the dependence of the semantic derivative's character on the named body part's functionality degree, its importance for life as well as on the stylistic and semantic peculiarities of the productive stem. The lexemes without prefixes are compared with the lexemes which inner form reflects the somatic object absence with the help of the prefix *bez-*. It allows raising a question on peculiarities of the corporal norm's reflection in the language.

Key words: semantic-motivational reconstruction; words with prefixes; prefix *bez-*; preposition *bez*; semantic derivation; somatisms; naive anatomy.

Сурикова Олеся Дмитриевна, магистрант кафедры русского языка и общего языкознания, Уральский федеральный университет им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина (Екатеринбург), surok62@mail.ru.

Surikova, O., Master's Degree seeker, Department of Russian Language and General Linguistics, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg), surok62@mail.ru.